

всемером; помощники, которым, как мы уже видели, числа нет, явились по мановению повелителя своего, воздух и небо затмили множеством своим (“Сказка о Иване Молодом сержанте...”).

За грехи тяжкие Господь нас карает; ныне малый хлеб ест, и крестного знамения сотворит не знает — а большой, правою крестится, а левую в чужие карманы запускает! (“Сказка о Иване Молодом сержанте...”)

В целом, художественные тексты В. И. Даля обнаруживают очень высокую степень пунктуационной связности компонентов, поскольку сильные позиции фиксируются знаками такого рода, в которых объединяющая функция превалирует над функцией разделительной. Всю индивидуально-авторскую систему этого типа можно определить как композиционную интегрирующую систему. И это вполне соответствует той характеристики, которую дал творчеству В. И. Даля В. Г. Белинский, когда писал о том, что “В. И. Луганский создал себе особый род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*”, в нем воспроизводится действительность “во всей ее истине”, а физиология, как известно, раскрывает законы функционирования организма **как целого в его единстве** (выделено нами. — Л. К.) и взаимодействии с окружающей средой. Целостность и единство — характернейшие черты стиля В. И. Даля и на пунктуационном уровне. Графическая (пунктуационная) сторона авторского почерка выдающегося подвижника русского языка и талантливого писателя, вне всякого сомнения, заслуживает большого, глубокого и серьезного исследования, которое мы обозначили лишь пунктироно, отдавая дань уважения Человеку и Ученому, внесшему неоценимый вклад в борьбу с “проклятьем безграмотства”³.

¹ Здесь и далее используется материал издания: *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1989—1991. Т. 1—4.

² Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Даль В. И. (Казак Луганский). Избр. произв.* М., 1987.

³ *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.* М., 1956. Т. 9. С. 398—399.

Т. Г. Струкова

В. И. ДАЛЬ — МОРЯК, ПИСАТЕЛЬ, ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

В 2001 г. в Санкт-Петербурге отметило свое 300-летие старейшее учебное заведение России — Военно-морская академия Пет-

ра Великого, которая начиналась с Навигацкой школы, а столетие назад называлась Морским корпусом. История крупнейших географических открытий творилась ее выпускниками. Блестящие морские офицеры — Крузенштерн, Беллинсгаузен, Лазарев, Беринг бороздили океаны, даря морям, проливам, архипелагам и островам свои имена и принося славу России.

Имя Владимира Ивановича Даля (1801—1872), двухсотлетие со дня рождения которого исполнилось в этом году, сопрягается, в первую очередь, с созданием знаменитого “Толкового словаря живого великорусского языка”. Когда берешь в руки великолепно оформленный тисненный том, который с трудом обнимает ладонь, охватывает благоговение — набранные мелким шрифтом статьи заполняют сотни и сотни страниц. Огромный, колоссальный труд, блестящая эрудиция, тонкое чувство языка, истинная любовь к его богатству — все это понимается сразу. Храмилище накопленного поколениями лексического опыта — “Толковый словарь” В. Даля — национальное богатство и национальная гордость.

Удивительно по смыслу полное название словаря, ведь чаще всего мы воспринимаем его в усеченном виде, а в заглавии, как в сильной позиции текста, есть слова “живого” и “великорусского”, т.е. языка гибкого, сочного, обладающего поразительной животворящей силой, а также отражающего глубинные корни ментальности нации. По происшествии двух столетий язык изменился: какие-то выражения устарели, какие-то утратили первоначальный смысл, но до сих пор произведение Даля, а иначе и нельзя назвать этот труд, сохраняет свою функцию энциклопедии и сберегает сам язык, передавая потомкам национальные традиции. В. Даль в “Напутном слове” к изданию так говорил о необходимости уважительного, даже трепетного отношения к слову: “Но с языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя, словесная речь человека, это видимая, осозаемая связь, союзное звено между телом и духом; без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычание”¹.

В. Даль выпускался лейтенантом Морского корпуса, несколько лет служил на черноморском флоте, затем оставил службу по причине, как он говорил, засилья чиновников. Потом стал военным хирургом, офтальмологом, гомеопатом, был одним из основателей Русского географического общества, избирался в Академию наук по физико-математическому отделению. Одно только перечисление его занятий свидетельствует о том, что Даль

был разносторонней натурой, способной реализовать свои таланты во многих областях знания.

Занявшись словесностью, он примкнул к “натуральной школе”, для которой характерно следование принципу “списывания с натуры”, особое внимание к нравам различных слоев, групп, профессиональных сообществ (“Цыганка”, 1830; “Петербургский дворник”, 1844; “Денщик”, 1845). Для авторов “натуральной школы” социальное место человека стало эстетически значимым, и чем ниже было положение индивида в общественной иерархии, тем менее всего оправдывались ирония, насмешка или сатира по отношению к нему. Социальная приниженнность персонажа требовала, по мнению многих художников, и В. Даля в том числе, особой тщательности, осторожности в изображении, чтобы не оскорбить гонимого еще больше. Это полярная Гоголю позиция “физиологов” приводила к появлению в их работах сентиментальных нот при описании судеб людей из низших слоев общества.

Стоит сказать, что “натуральная школа” сделала много для русской литературы, хотя “физиологическая” тематика впервые появляется в литературе европейской.

Исследования проблемы человека и среды открыли русской прозе табуированные области жизни, в нее хлынули нищие, воры, проститутки, солдаты. Матросы, дворники или, как тогда было принято говорить, низшие сословия. То, что ранее рассматривалось в качестве экзотики, стало обычной практикой. На литературной сцене появились не только колоритные типажи, но и представители разных профессий; писателей “натуральной школы” интересовали как родовое единство людей, так и социальная, и профессиональная особость человека.

Книга “Матросские досуги” (1853) создавалась В. Далем, по его словам, специально “для народного чтения”. Писатель предполагал, что флотские офицеры будут читать эти рассказы матросам во время длительных морских переходов. Среди матросов русского парусного флота было много неграмотных крестьян, хотя на флот старались отбирать не только физически сильных, не боящихся высоты и качки людей, но и потомственных моряков и рыбаков, с детства знакомых с непростой моряцкой наукой. Авторская интенция обусловила дидактический пафос “Матросских досугов”, намеренную популяризацию истории русского флота для неподготовленного, непритязательного слушателя.

Сказать, что В. Даль был первым писателем-маринистом в русской литературе, нельзя, потому что морской мотив являет-

ся достаточно органичным для русской прозы на протяжении веков. Тема моря рельефна в былинах, сказках, она оттеняет стремление народа расширять мир, открывать другие земли, путешествуя “за море”. В петровские времена возникает “Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли”, которая так же, как и роман Дефо “Жизнь и пиратские приключения капитана Сингльтона”, выполняет своеобразный заказ времени, агитируя наняться на военный или торговый корабль и послужить отечеству, а заодно и выбиться в люди.

В этом произведении в описании моря и морского путешествия сильна утилитарная роль мореплавания, определяемая идеологией государства Российского в XVII столетия — необходимость “прорубить окно в Европу”. Позднее Н. Бестужев, рассматривая проблему развития флота, обосновал возникновение европейских военно-морских сил “торговлей и разбоем”. В “Опыте истории русского флота” он писал: “Торговое государство, учиняясь богатым, не замедляет возбуждать в других народах зависть, недоброжелательство и желание вреда чужому благополучию. Покушения, опасные для торговли и мореплавания, заставляют брать предосторожности; морские силы вооружаются — и, таким образом, происхождение военных флотов берет свое начало”².

В XVII—XVIII вв. развитие темы моря связано с расширением границ обжитого пространства. Петровские реформы выдвигают на социальную арену человека не очень знатного, своим умом и активностью добивающегося достойного места в жизни. Крепостному крестьянину, поступившему на морскую службу, флот давал вольную, а честолюбивый “человек небольшой фамилии” мог стать офицером. О трудностях морской службы “Гистория” изящно умалчивает, авантюрная линия доминирует логика случайности организует сюжет, возвышение человека третьего сословия обусловлено его успешной флотской службой. Стоит сказать, что и документальные, и художественные тексты не только отражали реалии далекого времени, но и постепенно создавали русскую морскую культуру.

Для русского романтизма океанская стихия превратилась в эстетически равноправный объект повествования. Романтики расширили эмоциональный уровень понимания моря, а романтический океан сублимировал все оттенки человеческих чувств — от восхищения до гневной инвективы. Вслед за английскими романтиками, для которых океанская субстанция являлась сим-

воловом абсолютной свободы, вызовом социальному укладу, русские писатели-романтики широко разрабатывали тему моря с точки зрения экспрессивности образа природной стихии, тираноборческого и богоборческого протesta. Морская стихия в силу своей изменчивости, текучести усиливалась неизвестность, что более всего соответствовало романтическому принципу диалектичности. Глобальность, неожиданность, непредсказуемость, величавость океана сопрягались с представлениями романтиков об универсуме, о масштабности Вселенной.

Стоит отметить, что в русском романтизме не происходит формирования жанра морского романа, хотя очевидно его накопление: океан становится равноправным действующим персонажем (А. А. Бестужев-Марлинский), корабль выделяется в отдельную эстетическую категорию, подчеркивается отличие моряков от сухопутных жителей (Н. Бестужев). Н. Бестужев рассуждает о морском деле как о ремесле, требующем высокого профессионализма от матроса до офицера. Однако и Н. М. Карамзин, и А. А. Бестужев, и В. В. Вонлярлярский избегают говорить об особенностях флотской организации, о своеобразии жизни моряка на судне, о служебных и внеслужебных отношениях, их воздействия на психологию и характер человека.

Персонажи чаще всего даны в статике, все моряки — этакие молодцы-ухари, что не позволяет увидеть изнутри склад души, посылы сознания человека, рвущегося в море. Можно сказать, что художественное исследование подобных проблем не входило в замысел этих писателей и только в творчестве других авторов (Н. К. Станюкович) стало предметом эстетического анализа. Во многом был прав Е. А. Рыкачев, который писал в 1862 г.: “Было время, когда русская публика знала море из одних романов Фенимора Купера и капитана Марриета; о наших мореплавателях имели тогда самое смутное понятие и едва подозревали, что у нас есть флот и есть моряки, есть несколько тысяч людей, житейская обстановка которых не та, что прочих смертных”³.

В русской литературе первой половины XIX в. Непохожесть жизненного уклада моряков реализовалась не в собственно бытии героя, не в его самосознании и не в ценностно-смысловой ориентации, а в акцентированной стилизации индивидуального высказывания, являлось отражением словесно-идеологической окрашенности эпохи и нации. Малодоступность морского слова была очевидна, реплики персонажей или описание специфики корабельного существования приобретали информативный характер. Речь моряков выступала в качестве децентрализующего фактора,

подчеркивающего особую форму высказывания, особенно это касалось названия стоячего и бегучего такелажа, способов управления парусником.

Использование морской терминологии в информативном ключе без дополнительного объяснения наблюдалось тогда, когда слова или термины были устойчивыми явлениями в словесно-идеологической жизни, как, например, в случае с указанием широты и долготы, названием типа судна — бриг, корабль, брандер, куттер, шхуна, фрегат (“Мичман князь Гагарин подошел на четвертом брандере”⁴. Все эти терминологические обозначения входили в идеологическую концепцию России XVII—XIX вв. читатели привыкли к ним как через бытовое слово, так и через письменное. Профессиональная лексика имела центро斯特ремительную тенденцию причастности к “единому языку” и одновременно создавала историческое разноречие, что являлось центробежным фактором.

Без литературной деятельности писателей-моряков, профессионально понимавших объект художественного исследования и зачастую снабжавших свои тексты пояснениями для читателя не моряка, развитие русской мариинстики было бы не просто затруднено, а невозможно, в противном случае происходила бы не только замена морской лексики сухопутной, но, более важно, искажение представления об особости флотской жизни Примером того, что писатель, ориентирующийся на изображение моря и моряков, должен обладать особыми знаниями и навыками, может служить письмо Н. А. Бестужева А. А. Бестужеву. Н. А. Бестужев призывал брата употреблять “поменьше кудреватостей” в описании специфической организации корабельного быта и пространства парусника.

Рассматривая море как символ абсолютной свободы, А. А. Бестужев не особенно стремился воссоздать бытовые реалии судна. Современники отмечали романтическую приподнятость и полную “морскую безграмотность” в повестях “Лейтенант Белозер”, “Мореход Никитин”, “Фрегат Надежда”. Это особенно четко на уровне профессиональной лексики, к примеру, он называл благородный морской трап “висячей лестницей”, палубу — “помостом”, снасти на его судах были “закручены завитками”. Н. А. Бестужев в письме призывал брата “не смешить” Морской корпус, а по поводу “завитков” ехидно заметил: если бы на кораблях каждая вещь не имела бы своего места, а леера и фалы “завивались”, то все моряки давно бы переломали себе шеи.

В ряду морских повествований “Матросские досуги” В. Даля

занимают важное место, потому что они не только исполняют заказ времени (это несомненно), но и способствуют созданию более достоверной картины (хотя и со многими оговорками) морской жизни, чем предшествующая романтическая традиция, которая сформировала в большей мере эмоциональный уровень восприятия океана, нежели прагматический. В целом “Матросские досуги” развиваются в русле “натуральной школы” с ее интересом к социальной и профессиональной специфике человеческого существования, в данном случае флота.

“Матросские досуги” — это цикл, который включает рассказы разного направления. Доминантным в них является простота изложения, потому что В. Даль не упускает из вида основную цель — обучение матросов через развлечение. Он настойчиво и последовательно втолковывает слушателям, что Земля не покояится на трех китах, что во Вселенной она не единственная планета, что техника позволяет человеку путешествовать на “железных пароходах” и “воздушных шарах”. Памятая, что морская наука — “математическая”, писатель представляет занимательную таблицу умножения, потому что без математики человек “потеряется в океане”. Кроме этого, В. Даль включает морские пословицы, “былички”, повествования о морских ритуалах, что создает особую ауру жизни на корабле.

Основной своей целью писатель считает воспитание у моряков гордости за Россию и ее флот. В. даль кратко и красочно излагает историю Российского военно-морского флота почти за полтора столетия, от ботика Петра I до знаменитых сражений при Гангуте, Чесме, Наварине, Гогланде: “Эта битва наша со шведами замечательна тем, что была очень кровопролитна, что мы, будучи слабее, если не разбили неприятеля, то, по крайности, осилили его, согнали с места сражения, заставили бежать и скрываться, так что шведский флот после Гогландской битвы во все лето не смел более показываться в море” (с. 67).

В исторических зарисовках В. Даль избирает интересный прием: вначале он сообщает читателю, когда то или иное событие произошло, что создает дистанцию между временем рассказывания и рассказчиком. Повествуя о сражении, он перемещается в самую гущу происходящего, меняя положение наблюдателя на участника. Превосходное знание как истории морских битв, так и развития российского парусного флота позволяет писателю воссоздать картину прорыва России к основным морским дорогам. В. Даль очерчивает эпоху, идентифицирует своеобразие русской нации, для которой расширение мира являет-

ся аксиологически ценностным. Писатель отмечает, что для россиян характерно действенное отношение к жизни, что выражается не только в сознательной мотивации, но и в бессознательном “упоении в бою”.

На первый взгляд может показаться, что В. Даль не ставит себе серьезных философских задач в “Матросских досугах”. Однако при более внимательном рассмотрении корпуса текстов выясняется одна важнейшая проблема — “через одновременную организацию звука и смысла”⁵. В. даль дает представление о такой значимой для российской культуры категории, как морское пространство, которое обладает особенностью передачи национального импульса. Писатель очерчивает единое пространство, которое втягивает в себя близкие к берегам России моря, далекие океаны, корабли, несущие государственный российский флаг и тем самым олицетворяющие, по словам автора, отчество.

В “Матросских досугах” национально значимое пространство связано с метафорами моря, корабля, огромного мира и родного дома. Говоря о специфике связи пространства и метафоры, Ж. Женетт писал: “Мысль выражает себя исключительно в терминах дистанции, горизонта, универсума, пейзажа, места”⁶. Язык морского путешествия, морского сражения формирует особые для каждого случая пространственные границы, когда метафора не только преследует изобразительные цели, но и выявляет тайну национального характера. К примеру, для вольного моряка Герасимова плен так невыносим, что он уговаривает пятерых матросов вернуть себе судно, невзирая на то, что их мятеж может закончиться гибелью, да и малочисленная команда рискует не справиться с парусником: “Мы остались, для управления рулем и парусами, всего сам-пять” (с. 84).

Очень многое из реальных межгосударственных отношений на морских просторах В. Даль изящно опускает. Например, в коротеньком рассказе “Военный приз” писатель просто цитирует часть донесения Петра I, бывшего вице-адмиралом, своему непосредственному начальнику генерал-адмиралу флота: “А еще доношу вам, яко адмиралу своему, что нездолго взяли мы на море шведский корабль с железом и сукнами, которые раздали в награду матросам; а нам на разделе досталось из добычи этой несколько фунтов табаку, из которого к вашей милости посыпаем фунт” (с. 52). Писатель не комментирует петровское донесение и не объясняет, что такое морские “призы”.

Каперское право — блестательная английская выдумка

XVII столетия, позволившая Великобритании использовать свободные руки и деньги купцов, узаконила пиратство. Британские капитаны, получив патент в морском министерстве, набрав команду отпетых сорвиголов, уходили в океаны грабить суда любых стран, кроме своей, чтобы в случае поимки объявить об увеличении королевской казны. Морским разбоем не брезговали и боевые корабли; каперство как система продолжало существовать в XIX в. Захваченные суда продавались, а доход делился между членами команды в соответствии с чинами. Как видно из текста В. Даля, каперством, кроме Великобритании, промышляли и военные флоты других стран, но автор не делает никаких выводов: на войне, как на войне.

Включая в “Матросские досуги” истории об открытии Америки, о жизни Колумба и его экспедициях, о знаменитых океанских путешествиях, писатель преследует не только образовательные цели. Российский флот, прорывающийся на морской простор, не повторяет путь европейских мореплавателей, потому что его идеологией является не захват колоний, а защита рубежей отечества. В. Далю важно подчеркнуть, что военно-морской и торговый флот России со времен Петра I начинают становиться равными среди равных, но особенно явно это проявляется в период правления Екатерины II.

В “Матросских досугах” В. Даля стилизует под непрятательный рассказ моряка повествование о мужественных поступках, о развлечениях на кораблях, о забавных случаях во время походов, подражая при этом простонародной речи. Автор учитывал неподготовленность читателя к восприятию особой среды, обладающей собственными понятиями и языком. Кроме этого, он представляет профессиональное видение морской стихии: если на человека, не знакомого с морским ремеслом, водная субстанция производит впечатление ужасной силы, то для профессионального моряка океан — это арена каких-либо действий, а сухая констатация факта — “была непогода” — может означать девятивалльный шторм. Пословицы, поговорки, загадки, связанные с морем и морской жизнью, образуют фольклорный ряд, аскетичная картина океана начинает расцвечиваться, море выступает поводом для рефлексии, а сам цикл обнаруживает тенденцию накопления “эмоциональной структурности”.

Исполняя задачу прославления российского флота и привлекательности корабельной жизни, В. даль не вдается в описание физической и психологической тяжести морского похода или

сложных взаимоотношений внутри экипажа. В приведенных пословицах не стоит искать, например, такую: “Недотянешь — бьют, перетянешь — бьют”. Он, напротив, говорит о героическом поведении русских моряков: “Это мнение принято было всеми в один голос, и потому положено драться, покуда не будет сбит весь рангоут или не откроется сильная течь и покуда есть, кому служить у пушек, а затем свалиться с неприятелем и подорваться (с. 95—96).

Повествование В. Даля об активном периоде освоения Российской морей и океанов представило богатейший материал для дальнейшего развития русской мариинстики. Для писателей-мариинстов, пришедших в литературу после В. Даля, его морские рассказы создают текстовую совокупность, своего рода фон, который они используют для решения иных художественных задач. К примеру, проблема тяжести флотского существования, о которой ничего не говорил Даль, в конце XIX в. затрагивалась К. Станюковичем в романе “Вокруг света на “Коршуне”. Два боцмана, получив запрет командира заниматься рукоприкладством, пришли в “полное недоумение”: “Линьки, само собой разумеется, надо было бросить. Что же касается до того, чтобы не тронуть матроса, то, несмотря на одобрение этого распоряжения в принципе многими, особенно фельдшером и писарем, большинство нашло, что, безусловно, исполнить такое приказание решительно невозможно и что — как-никак, — а учить иной раз матроса надо, но, конечно, с опаской, не на глазах у начальства, а втайности, причем, по выражению боцмана Никифорова, бить следовало не зря, а “с рассудком”, чтобы не “оказывало” знаков и не вышло каких-либо кляуз”⁷.

К. Станюкович упоминает, что порядки на “Коршуне” были во многом уникальны и заведены бравым отцом-командиром, пекущемся о команде. Писатель ничего не сообщает о муштре, жесточайших наказаниях и гибели моряков на других кораблях русского военно-морского флота из-за произвола капитанов, офицеров и боцманом, хотя зуботычины и избивание стеком было делом привычным. Подобная позиция и К. Станюковича, и ранее В. Даля обусловлена не только нежеланием воссоздавать истинную жизнь человека на военном парусном судне, но и главным образом тем, что это разрушало притягательность морской судьбы для молодых людей.

Если проследить в русской литературе возникновение и развитие морского мотива, темы флотской службы, этапы форми-

рования морского романа, во многом отражающего национальную ментальность, то выясняются интересные и важные обстоятельства: по сравнению с европейской прозой и поэзией их освоение шло в убыстренном темпе, напоминая стремительный прорыв России к морям. Русские писатели знали об исполненности эстетических задач Дефо, Смоллетом, Скоттом, Купером, Колриджем, Марриетом, они опирались на них как на авантексты и, отталкиваясь от ранее освоенных категорий, формировали собственное понимание задач повествования о море и моряках.

Плодотворное влияние извне способствовало формированию русской морской прозы, и в этом процессе роль В. Даля не может быть недооценена. “Матросские досуги” играют для последующего развития русской маринистики примерно такую же роль, что и повествования Хэклита и Перчеса для английской литературы. Морской цикл Даля является своеобразным боевым подтекстом, который в той или иной мере “мерцает” практически у всех русских писателей-маринистов XIX—XX вв. Основной литературный код, формирующий устойчивую память жанра, сохраняется: море — это дорога, открывающая мир, моряк существует в гармонии с океаном, корабль — это дом, судьба морехода представляется нескончаемой борьбой со стихией, когда человек постоянно преодолевает собственные слабости и проверяет себя на прочность. “Матросские досуги” — это поэтическое пожелание “семи футов под килем” русским морякам, уходящим в изменчивый и зыбкий, обманчивый и великий мировой океан. “Море, — писал В. Даляр, — даст то, что возьмешь”.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978. Т. 1. С. XV.

² Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева. М., 1860. С. 166—167.

³ Рыкачев Е. А. Морская жизнь // Морской сборник. СПб., 1862. № 5.

⁴ Даль В.И. Матросские досуги. М., 1991. С. 65. Далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках.

⁵ Валери П. Об искусстве. М., 1993. С. 102.

⁶ Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 1. С. 132.

⁷ Станюкович К. Вокруг света на “Коршуне” // Станюкович К. Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 7. С. 73.